

А. СТАРЧАКОВ.

Штурм Екатеринодара корниловцами весной 1918 года—«ледяной поход»—привлек внимание писателей Ал. Толстого и Арт. Веселого¹⁾. Мельком ледяной поход показан и во второй книге «Тихого Дона» у Шолохова. Но Шолохов успел рассказать только о начальном звене событий: у него дан совет корниловцев в станице Ольгинской, куда они были выбиты из Ростова красными.

В феврале 1918 г. Корнилов с пятидесятной офицерской армией в походном порядке двинулся на Кубань. Он рассчитывал отрезать от Советской России Кавказ, мобилизовать регулярное казачье войско и, получив поддержку от Антанты, ударить на Москву. Превращая на своем пути в пепел казачьи станицы, расстреливая и вешая всех заподозренных в большевизме, Корнилов матерой волк контрреволюции, в конце

¹⁾ См. «Восемнадцатый год» и «Земля кровью умытая», роман Артема Веселого, «Новый Мир» 1927—29 гг.

марта пробился к Екатеринодару и обложил его со всех сторон.

— У нашей армии был свой маленький Иерусалим,—рассказывает в своих записках участник похода, генерал Деникин.— Пока еще не тот заветный, далекий, с золотыми маковками сорока-сороков божьих церквей... Более близкий:

— Екатеринодар.

Корниловцев встретил бешеный огонь всех батарей. Завязался бой упорный, грудь на грудь. На высоком берегу Кубани, в домике, стоявшем на опушке тополевой рощи, расположился штаб Корнилова. Крепкий, скуластый, с калмыцкими глазами, генерал угрюмо следил за ходом боя.

— Шел четвертый день непрерывного боя. Противник проявлял упорство, доселе небывалое,—говорит в своих записках Деникин.

В боях под Екатеринодаром есть что-то от дней Парижской Коммуны. Рядом с испытанными бойцами дрались старики и дети. Под свинцовым косым дождем женщины носили в окопы осажденным жестянки с патронами, кувшины с молоком, пироги.

— Кушайте, родные, кушайте... Только постойте за нас.

Враг был страшен. Уже позже когда белые были разбиты на-голову—Корнилова уложило ядро, угодившее в его комнату, под стол, за которым он работал,—защитники Екатеринодара долго не верили, что генерал мертв. Труп Корнилова был перевезен в Екатеринодар. Его возили по улицам, чтобы каждый мог убедиться в смерти лютого врага.

За четыре дня пролетарии Екатеринодара потеряли убитыми и ранеными пятнадцать тысяч человек.

Как же образили Ал. Толстой и Арт. Веселый эту величавую эпопею, этот трагический эпизод гражданской войны?

К изображению событий можно было подойти двояко. Можно было сосредоточить свое внимание на «ледяном походе», на штурме города белыми батальо-

нами, поставив в центре генералов Корнилова, Деникина и Маркова. Так именно и поступил Ал. Толстой. У него в центре—белые, атакующие Екатеринодар под непрерывным орудийным огнем.

Что мы находим у Арт. Веселого? Казалось бы, читатель в праве требовать от него, пролетарского писателя, иного, диаметрально-противоположного подхода к изображению событий. Можно было ожидать, что Арт. Веселый покажет оборону города, назовёт имена героев, которые дрались на подступах Екатеринодара и кровью своей оросили защищаемую землю. Так подошел к показу кубанских событий, хронологически более поздних, Серафимович в своем «Железном потоке».

Это ожидание остается обманутым. Артем Веселый в своем повествовании повторяет путь Ал. Толстого. У него в центре снова белые. Когда же Арт. Веселый хочет изобразить героизм оборонившихся, то делает он это так неуклюже, что невольно вызывает умишку читателя. Вот, например, описание артиллерийского поединка.

— Бум! — бьет из переулка пушка и в изнеможении откатывается.

— Перелет, — кричит с крыши наблюдатель.

— Бум! — есть. Бум! — есть. Крой беглым!

Слободский саложник Ваня Грибов сидел верхом на дуле пушки и гнул через коленку гармонь. При каждом выстреле он дергался и хохотал.

— Крой, Микишка, бога нет!

Даже неискушенному в артиллерийском деле читателю совершенно ясно, что слободский саложник Ваня Грибов на пушку посажен зря. Навряд ли во время отката он мог усидеть с гармонией в руках на пушечном дуле, раскаленном к тому же от непрерывной пальбы. Но это детали. Описание сражения у Арт. Веселого пестрит самыми общими местами.

— Четвертые сутки бушевал бой.

— Поле битвы являло печальную картину.

Чем объяснить, что эти два, совершенно различные по дару и темпераменту писателя подошли одним и тем же путем к изображению трагического и величавого эпизода гражданской войны? Почему и Ал. Толстой и Арт. Веселый в своих отрывках не сумели раскрыть ту волю, которая руководила обороной, бросила навстречу контрреволюции пролетарские ряды?

Основное, конечно, в социальной природе творчества. Ал. Толстой — изобразитель российского дворянства, его последышей, и интеллигенции. Артему Веселому с большой долей совершенства удастся показ крестьянских и полудеклассированных элементов в революции.

— В России революция — пыл, ор, яроводье, урывистая вода, — говорит в эпиграфе к своим отрывкам из романа Арт. Веселый. Его герои мыслят и говорят с предельной упрощенностью.

— Раз офицер — фактический контрик. Бей с тычка, бей с навесу, бей наотмашь, хрули гадов, не давай лярвам пошады ни на рыбий волос.

Выражаясь фигурально, в творчестве Арт. Веселого Максютя заслонил луганского большевика Пархоменко.

Но нельзя не отметить и следующее обстоятельство: если бы Арт. Веселый и пожелал дать в художественной форме документальный материал, то он встретил бы ряд затруднений. Военный специалист Н. Какурин в своем двухтомном труде «Как сражалась революция», разбирая историю «ледяного похода» и его финальный эпизод — бой под Екатеринодаром, говорит:

— Остановимся в двух словах на действиях красного командования и расположении и количестве его сил. В этом отношении история сохранила нам **весьма мало документов. Трудно установить, кто являлся ответственным руководителем операций против корниловской армии во время прорыва ее на Кубань.**

Слова значительные, полные глубокого смысла!

Мы располагаем целой грудой **белогвардейских мемуаров**, но у нас **нет документов**, которые могли бы дать всестороннюю картину **борьбы за Екатеринодар**. Есть опасность, что из нашей памяти будет вычеркнута история не единичного героя, но **целая страница** из эпохи гражданской войны.

Ал. Толстой и Арт. Веселый величают по имени и отчеству белогвардейских генералов. Но ни у того, ни у другого мы не **находим имен красных героев**, умиравших под стенами Екатеринодара. Кто были те пленные, которых зверски растерзали белогвардейцы во дворе артиллерийских казарм? — Они умерли с пеннием «Интернационала».

Мы не знаем. «История сохранила нам весьма мало документов», — как говорит Н. Какурин. Правда, до нас дошли имена Сорокина и Автономова, но они меньше всего были связаны с рабочим классом и революцией. И тот и другой оказались предателями.

Зависимость от белогвардейских мемуаров совершенно очевидна при чтении Ал. Толстого. Достаточно привести хотя бы следующее, к слову сказать, не единственное текстуальное совпадение.

У А. Деникина мы читаем:

— Скоро показался и Марков. Идет широким шагом, размахивая нагайкой, и издали, еще на ходу, ругается... «Чорт знает что, раздергали мой кубанский полк, а меня вместо инвалидной команды к обозу пришили. **Пустили бы сразу со всей бригадой, я бы уже давно в Екатеринодаре был.**»

У Ал. Толстого мы находим такие строки:

— Впереди шагал в сдвинутой на затылок папаше, расстегнутой ватной куртке Марков. Обращаясь к едва поспевающему за ним штабному полковнику, ругался и сволочился по адресу высшего командования: «Раздергали по частям бригаду, в обозе меня, трах-тарарах, заставили сидеть, пустили бы ме-